

Ilchenko, Natalya Mikhaylovna

Н. И. Греч и его время в "Записках о моей жизни"

Opera Slavica. 2022, vol. 32, iss. 3, pp. 5-17

ISSN 1211-7676 (print); ISSN 2336-4459 (online)

Stable URL (DOI): <https://doi.org/10.5817/OS2022-3-1>

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/digilib.77032>

License: [CC BY-SA 4.0 International](https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/)

Access Date: 01. 12. 2024

Version: 20221206

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Н. И. Греч и его время в «Записках о моей жизни»

N. I. Grech and His Time in “Notes about My Life”

Наталья Михайловна Ильченко

(Нижний Новгород, Россия)

Абстракт:

Николай Иванович Греч — один из самых влиятельных писателей историко-литературного процесса первой половины XIX века, нуждающийся в возвращении объективной оценки своей жизненной позиции и творчества. В статье рассматриваются мемуарные «Записки о моей жизни» Н. И. Греча, в которых создан запоминающийся образ времени рубежа XVIII–XIX вв. Показаны события, свидетелем и участником которых он был, особое внимание уделяется отношению писателя к восстанию на Сенатской площади 1825 года как «глупо-кровавой затее». Данный подход позволяет показать причины, сделавшие уважаемого издателя первого патриотического журнала «Сын Отечества», педагога, автора нескольких учебников по грамматике русского языка, талантливого писателя трагической фигурой в истории русской литературы и общественной мысли.

Ключевые слова:

Греч; записки; эпоха; декабристы; заговорщики

Abstract:

Nikolay Ivanovich Grech—one of the most influential writers of the historical-literary process in the first half of the XIXth century, and the objective value of his life philosophy and works need to be objectively restored. The article considers memoirs “Notes about my life” by N. I. Grech in which he created a memorable image of the time between XVIIIth–XIXth centuries. The events that he witnessed and took part in are described, special attention is paid to the writer’s attitude to the Senate Square riot in 1825 as to a “stupid and bloody idea”. The given approach makes it possible to show reasons that made a respected publisher of the first patriotic magazine “Son of

the Fatherhood”, teacher, author of several Russian grammar studybooks, a talented writer into a tragic figure in the history of the Russian literature and social thinking.

Key words:

Grech; notes; epoch; Decembrists; plotters

Николай Иванович Греч (1787–1867) — незаурядный педагог (на разных этапах своей жизни он был одним из самых заслуженных деятелей отечественного просвещения: учитель русского языка в Петровском училище, Санкт-Петербургской гимназии, Пажеском корпусе, автор «Пространной русской грамматики» и др.), издатель-редактор (ему в заслугу всегда ставилось издание журнала «Сын Отечества», который справедливо называют первым патриотическим русским периодическим изданием), талантливый писатель (автор романа в письмах «Поездка в Германию» (1830), романа «Черная женщина» (1834), повести «Отсталое» (1838), четырнадцати книг путешествий). Он на протяжении всей творческой жизни и в самых разных интеллектуально-художественных сферах стремился воспитать любовь к Отечеству, к русскому языку. Вместе с тем в истории русской литературы был сформирован миф о Грече-реакционере, изменившем своим либеральным взглядам после восстания декабристов. Можно выделить несколько причин, способствовавших распространению такой позиции.

Семья Греча была близка царской фамилии, и сам Николай Иванович никогда не скрывал лояльного отношения к монархической власти. В «Записках о моей жизни» он несколько раз возвращается к разъяснению данного убеждения. В частности, писатель приводит любопытный диалог, случившийся в Париже. На вопрос о причине безусловной любви русских людей к государю Н. И. Греч ответил следующее: «Мы любим нашего государя, как данного самим Богом отца, который сам любит нас искренно и безусловно. Вы же смотрите на вашего короля, как на опекуна, от власти которого, считая себя совершеннейшими, стараетесь освободиться как можно скорее»¹.

Греч не раз говорил, что в нем «с самых детских лет был врожденный патриотизм и оптимизм»². Честь государства и государя, любовь к Отечеству писатель ставил превыше всего. Дед Н. И. Греча — Иван Михайлович (Johann Ernst) — был преподавателем философских и исторических наук в Сухопутном Кадетском Корпусе (Рыцарской Академии), а также преподавал всемирную

1 GREČ, N.: *Zapiski o mojej žizni*. Moskva: «Zacharov», 2002, s. 203.

2 Ibidem, s. 123, 185, 190, 200, 207, 237 и др.

политическую историю наследнику престола Петру Федоровичу и его супруге будущей Императрице Екатерине II. Его внук — Николай Иванович Греч — оставил воспоминания и о ней, а также о Павле I, Александре I, Николае I, охарактеризовал особенности их личности, правления, эпохи; с благодарностью он писал о Марии Федоровне, о великом князе Михаиле Павловиче, откликнулся на кончины Императоров — Павла I, Александра I, Николая I.

Н. И. Греч был человеком своего времени. На его судьбе ярко отразилась, прежде всего, Александровская эпоха. «Покойному Государю Императору Александру Павловичу обязан я воспитанием. Его щедротами, Его неопенимым вниманием поощряем я был в трудах моих, и до конца дней сохраню благоговейное о великом, мудром и кротком Государе воспоминание»³. Соответственно Греч в XX веке стал именоваться «представителем официально-монархической реакции», «представителем реакционного лагеря»⁴ и т. п.

Еще одна причина, из-за которой личность Греча оказалась скомпрометированной, — дружба с Фаддеем Венедиктовичем Булгариным (1799–1859), имя которого «окутано ореолом негативных, отталкивающих коннотаций»⁵. В последнее время личность Ф. В. Булгарина, журналиста и писателя, вызывает большой интерес; при этом исследователям удалось избежать одномерность суждений о нем⁶.

Н. И. Греч же по-прежнему нуждается в преодолении «разоблачительного субъективизма» и в возвращении объективной оценки его жизненной позиции и творчества.

Одной из главных черт характера Н. И. Греча была прямолинейность и строгость в оценке людей, их поступков, в суждениях о событиях общественно-политической и культурной жизни. Он достаточно жестко отзывался о людских пороках, давал резкие оценки тем, кто придерживался иной мировоззренческой позиции, что тоже было одной из причин появления врагов. При этом Н. И. Греч, будучи человеком умудренным жизненным опытом, допускал, что безусловная

3 *Jubilej pjatidesjatiletnej literaturnoj dejatel'nosti Nikolaja Ivanoviča Greča 27-go Dekabrja 1854 g.* Sostavleno Ks. POLEVYM. Sankt-Peterburg: V tipografii Akademii nauk, 1855, s. 10.

4 STEPANOV, N. L.: Prozaiki dvadcatykh — tridcatykh godov. In: *Istorija ruskoj literatury. 1820–1830.* Moskva–Leningrad: AN SSSR, 1953, s. 548, 502.

5 AKIMOVA, N. N.: Poslednjaja popytka Faddeja Bulgarina: memuary v situacii kul'turnogo mifotvorčestva. In: *Vospominanija: Otryvki iz vidennogo, slyšannogo i ispytannogo v žizni.* Sankt-Peterburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2012, s. 5.

6 REJTBLAT, A. I.: Ètapy i istočniki postrojenija biografičeskogo narrativa (na materiale biografii F. V. Bulgarina). In: REJTBLAT, A. I.: *Pisat' poperek: Stat'ji po biografike, sociologii i istorii literatury.* Moskva: Novoje literaturnoje obozrenije, 2014, s. 211–226. REJTBLAT, A. I.: *Faddej Bulgarin: ideolog, žurnalist, konsul'tant sekretnoj policii.* Moskva: Novoje literaturnoje obozrenije, 2016.

правда «не давалась никакому человеку в этой жизни страданий, искушений, разочарований»⁷.

Восприятие времени и своего места в нем Н. И. Греч представил в «Записках о моей жизни». Они состоят из трех разделов: первый — собственно автобиография, правда, подробное повествование здесь доведено только до 1808 года; второй — «Воспоминания старика», посвященные характеристике царствования Александра I и декабристам; третий — статьи и примечания Греча. К написанию «Записок» он возвращался несколько раз: начал работу над ними 21 мая 1821 года, но ограничился несколькими страницами, поскольку свежесть впечатлений, как он объяснял, лишила размышления глубины. Снова он обращается к воспоминаниям только через двадцать восемь лет — 31 мая 1849 года — и формулирует цель: «Оставить моим детям, внучатом, друзьям и приятелям воспоминания о жизни не слишком разнообразной, не богатой важными происшествиями, но довольно замечательной в кругу, который был ее поприщем»⁸. В третий раз к написанию «Записок» Греч возвращается 4 октября 1861 года: «Почти все тогдашние мои современники окончили свою земную жизнь... Тяжесть нравственная, душевные заботы гнетут меня более недугов физических»⁹. 60-е годы XIX века — уже другая эпоха, в которую не вписывался Греч, переживший не только многих известных современников, но и своих сыновей.

Писатель размышляет о пережитом, сравнивая свою жизнь с «книгой». К этому образному сравнению Н. И. Греч возвращается в «Записках» несколько раз: детство он определяет как «заглавие жизни», период учебы — «предисловие» к ней.

Немецко-чешские предки будущего писателя были протестантами («Николай Иванович Греч происходит от древней, благородной чешской, т. е. богемской фамилии, — так начал биографию друга и Ф. В. Булгарин в предисловии к первому собранию сочинений Греча. «К портрету Николая Ивановича Греча»)¹⁰, в начале XVII века, спасаясь от гонений католического духовенства, они переселились из Богемии в Пруссию. В «Записках о моей жизни» Н. И. Греч подробно останавливается на характеристике своих родственников.

Герб фамилии Греч — писчее перо. Дед, получивший образование в Марбургском и Лейпцигском университете, был профессором в Митавской гимназии,

7 GREČ, N.: *Zapiski o mojej žizni*. Moskva: «Zacharov», 2002, s. 6.

8 Ibidem, c. 5.

9 Ibidem, c. 161.

10 BULGARIN, F. V.: «K portretu Nikolaja Ivanoviča Greča». In: *Sočinenija Nikolaja Greča. Čast' pjataja. Melkije sočinenija*. Sankt-Peterburg, 1838, s. III.

а затем в Кадетском корпусе. Среди учеников И. М. Греча много известных военных: фельдмаршал П. А. Румянцев-Задунайский, первый учитель Суворова, генерал-аншеф М. Г. Берг, знатные вельможи Екатерининского века: И. П. Елагин, А. В. Олсуфьев; поэты А. П. Сумароков и М. М. Херасков, знаменитый актер И. А. Дмитриевский и др. Младший сын И. М. Греча — Иван, отец будущего писателя — занимал различные посты гражданской службы, в том числе был секретарем и обер-секретарем в Сенате. Н. И. Греч вспоминал, что в 1801 году на экзамене в Юнкерской школе генерал-прокурор А. А. Беклешов, узнав, что юноша приходится профессору Гречу, его учителю, внуком и хорошо учится, обрадовался и продолжал: «И отец его, и дяди хорошо учились, а дед был преученый человек»¹¹. Обширные и глубокие знания деда и его сыновей — отца и дяди будущего писателя, их профессиональная деятельность в качестве наставников — создавали атмосферу, в которой возникало желание учиться.

Словесность «одна занимала мой ум и воображение... — вспоминал Н. И. Греч. — Какая-то непонятная сила влекла меня к грамоте и литературе»¹². Он вспоминает и о страсти к книгопечатанию: «С детства я разрезывал афишки и другие печатные листы и из отдельных букв складывал слова и речи. В конце 1799 года приехал в Петербург какой-то англичанин и стал продавать типографские буквы, с принадлежащими к ним снадобьями, для пометки белья. Батюшка купил у него такой ящичек и подарил мне»¹³.

Н. И. Греч, назвавший детство «заглавием жизни», с особой благодарностью говорит о матери — Екатерине Яковлевне Фрейгольд, называя ее «неземным, поэтическим, ангельским существом»; она была наделена «шотландским вторым зрением», ей снились иногда вещие сны¹⁴. Если от родных по отцовской линии Н. И. Греч унаследовал педагогический талант, то свой поэтический дар он получил от матери.

В своих «Записках» Греч останавливает внимание на некоторых подробностях, позволяющих создать запоминающийся образ времени. Они представляют интерес и в наше время: здесь дан богатый исторический и бытовой материал. Так, Греч вспоминает 1796 год как самый счастливый в детстве: семья поселилась на лето рядом с садом А. С. Строганова на Черной речке. Отец Греча хорошо знал графа, поскольку служил секретарем департамента, в котором Строгонов был сенатором. Автор «Записок» называет его «почтенным старичком»,

11 GREČ, N.: *Zapiski o mojej žizni*. Moskva: «Zacharov», 2002, s. 11–12.

12 Ibidem, c. 119, 120.

13 Ibidem, c. 121.

14 Ibidem, c. 34–36.

который относился к представителям «благородной и чувствующей свое достоинство» аристократии. В романе «Черная женщина» Строгановский сад, в котором была устроена галерея для танцев, играла музыка, а на рубеже XVIII–XIX вв. назначались любовные свидания, окажется знаковым пространством для героев. Описание немецкого осеннего праздника — резка капусты — дано и в «Записках», и в романе «Поездка в Германию».

Отец мечтал, что старший сын станет студентом Московского университета. Однако изменение материального положения не позволило семье дать будущему писателю «ученое и литературное воспитание». После смерти отца в 1803 году все имущество было продано с публичного торга и оценено всего в 41 рубль. «Память этого события сохранилась в газетах того времени. Детям его остались в наследство: Библия, математическая готовальня и честное имя отца»¹⁵. Н. И. Греч закончил Юнкерский институт, учрежденный в царствование Павла I при Сенате, и всегда с особой благодарностью вспоминал директора А. Н. Оленина, познакомившего его с литературным обществом и направившего по «литературной дороге».

Н. И. Греч назвал впоследствии этот период «предисловием в книге жизни»: «Я посещал лекции постоянно и прилежно, но не могу сказать, чтобы много ими воспользовался. Беседы с умными и образованными людьми, чтение хороших книг, собственные размышления и литературные опыты принесли мне больше прибыли»¹⁶. Он делает из своей истории обучения важные выводы: сначала необходимо научить детей правильно мыслить и судить, внушить любовь к занятиям, к наукам, к истине, укрепить физические и умственные силы. «Главное в воспитании есть образование ума и сердца, а не наполнение памяти»¹⁷.

Отрочество и юность Н. И. Греча относятся к началу царствования Александра I, когда «в России все пришло в счастливое движение»¹⁸. В «Журнале Русская Словесность» Н. П. Брусилова были напечатаны первые статьи Греча. За перевод с немецкого «Некоторых мыслей о современных происшествиях» Г. Шредера Греч награждается золотыми часами. Однако в начале XIX века жить только литературной работой было невозможно. Греч поясняет, что тогда «В числе книгопродавцов не было ни Новикова, ни нашего доброго Смирдина, которые поставляют себе за долг чести делиться выгодами с литераторами. Журналы издавались тогда на другом основании. Только

15 BULGARIN, F. V.: «K portretu Nikolaja Ivanoviča Greča». In: *Sočinenija Nikolaja Greča. Čast' pjataja. Melkije sočinenija*. Sankt-Peterburg, 1838, s. V.

16 GREČ, N.: *Zapiski o mojej žizni*. Moskva: «Zacharov», 2002, s. 168.

17 Ibidem, c. 185.

18 Ibidem, c. 182.

чистая и бескорыстная любовь к словесности могла тогда удержать человека на поприще литературы»¹⁹. Греч, воображение которого в то время было занято литературными успехами, тем не менее пишет: «Желудок неоднократно напоминал мне, что должно подумать и о нем, а несчастный серый сюртук также докладывал, что вскоре отправится в отставку»²⁰. Выделяя эту деталь, писатель сравнивает себя с товарищами, которые одевались в «изящные фраки Занфтлебена», первого столичного портного. Стремление добиться финансовой независимости, улучшить собственное материальное положение в юности определили во многом выбор профессии.

Н. И. Греч закончил образование в открывшемся Педагогическом институте: «Я решил сделать себя учителем, потому что меня влекла к тому собственная охота»²¹. Желание с неудовольствием было воспринято родственниками, в том числе и обожаемой матерью; они полагали, что сын благородных родителей, дворянин, должен избрать другое занятие.

Свой первый урок по русской грамматике Н. И. Греч дает в июле 1804 года, ему еще не исполнилось семнадцати лет. С этого момента начинается его служебная и литературная деятельность. В 1809 году он издал первые труды по грамматике; впоследствии его «Краткий учебник грамматики», много раз переиздававшийся, сыграет важную роль в образовании российского юношества, в воспитании любви к Отечеству.

В 1812 году Н. И. Гречу, учителю Петровской школы, поручили издание журнала «Сын Отечества». «Я принадлежал к числу тех людей, которые, с самого начала этой грозной войны, если не поняли, то внутренним чутьем ощутили ее важность, ее святость; я не помнил, не знал ничего более, кроме того, что нам должно победить или пасть с честью»²².

Название журнала, как известно, связано с семейной историей: средний брат Греча, Александр, участвовал в военных действиях, после оставления Смоленска он написал: «Умру — но умру, как истинный сын о т е ч е с т в а!»²³. Из официального журнал стал самостоятельным периодическим изданием, объединившим всех русских людей. В журнале публиковались А. Куницын, И. Кайданов, Ф. Глинка, И. М. Муравьев-Апостол, А. С. Пушкин, И. А. Крылов, П. Я. Вяземский и др.

19 BULGARIN, F. V.: «K portretu Nikolaja Ivanoviča Greča». In: *Sočinenija Nikolaja Greča. Čast' pjataja. Melkije sočinenija*. Sankt-Peterburg, 1838, s. VII–VIII.

20 GREČ, N.: *Zapiski o mojej žizni*. Moskva: «Zacharov», 2002, s. 188.

21 Ibidem, c. 168.

22 Ibidem, c. 202.

23 Ibidem, c. 203.

В это время талантливые и очень разные люди Александровской эпохи объединялись в содружества. Одним из таких содружеств стала масонская ложа «Избранного Михаила». Она стала инициатором создания «Вольного общества российской словесности»²⁴. В. Сахаров указывает на «странное соединение имен...» в масонской ложе — «таинственный барон А. Дельвиг, декабрист В. Кюхельбекер, литератор Н. Греч, скульптор Ф. Толстой, архитектор А. Тон»²⁵.

В «Сыне Отечества» активно участвовали представители литературного общества «Арзамас», а также члены возникших декабристских организаций — «Союза Спасения» (1816) и «Союза Благоденствия» (1818). Здесь публикуются думы и поэмы К. Ф. Рыльева, отстаивается взгляд о народной основе и самобытности русского языка и литературы.

Вольнолюбивые веяния Александровской эпохи не могли не повлиять на дальнейшую жизнь и творчество Н. И. Греча. Обычно о Грече — издатель «Сына Отечества» — говорится как о «представителе передовых кругов русского общества», но после 1825 года как о «продавшемся вместе с Булгариным николаевскому правительству», «как прислужнике жандармов»²⁶. Позднее, уже в Николаевскую эпоху, он писал, вспоминая о прежних временах: «Я был в то время отъявленным либералом, напитавшись этого духа в краткое время пребывания моего во Франции (1817). Да и кто из тогдашних молодых людей был на стороне реакции? Все тянули песню конституционную, запевалой был император Александр Павлович. Оппозиция Аракчееву, Голицыну и всем этим темным властям была тогда в моде, была делом известным, славой и знаменем тогдашнего юного поколения»²⁷.

Несмотря на данное высказывание, на дружбу с будущими декабристами, Н. И. Греч не сочувствовал революции. Он однозначно определил восстание на Сенатской площади как «постыдное возмущение», «бедственную вспышку», «обильную злыми последствиями», «нелепую стачку, стоившую многих слез и страданий», «гнусный и пагубный взрыв»²⁸ и т. п.

По прошествии десятилетий писатель в «Воспоминаниях старика» размышлял о попытке русского переворота, о его причинах и последствиях,

24 MEJLACH, B. S.: Literatura dekabristskogo dviženija. In: *Istorija russoj literatury. Literatura 1820–1830-čh godov*. Moskva–Leningrad: AN SSSR, 1953, s. 31.

25 SACHAROV, V.: *Russkoje masonstvo v portretach*. Moskva: OOO «AiF Print», 2004, 199.

26 NAZAROVA, L.: Peterburgskaja žizn' puškinskoj pory. 1811–1837 gg. In: TOMAŠEVSKIJ, B. V., ŠLIONSKIJ, L. I., NAZAROVA, L. N., MEDERSKIJ, L. A.: *Puškinskij Peterburg (Serija «Puškinskaja biblioteka», t. 10)*. Sankt-Peterburg: Akademičeskij projekt, 1999, s. 212.

27 GREČ, N.: *Zapiski o mojej žizni*. Moskva: «Zacharov», 2002, s. 440.

28 Ibidem, c. 141, 297, 300, 455.

о декабристах, многие из которых были его друзьями, объяснял свое неучастие в заговоре.

Переход из лагеря «передовой части общественности» второго десятилетия XIX века на позиции защитника правительственной идеологии имеет свое объяснение.

Н. И. Греч, давая характеристику положения в России после победы над Наполеоном, подтверждает, что русские воины — освободители Европы, победители многонациональной наполеоновской армии, воодушевленные русской национальной идеей — после возвращения домой столкнулись с «татарщиной XV века»: «Составилось общество благоденствия, основанное на самых чистых и благородных началах, имевшее целью: распространение просвещения, поддержание правосудия, поощрение промышленности и усиление народного богатства»²⁹.

В это время Греч сам занимается просветительской деятельностью, в частности, он вводит «ланкастерскую методу» взаимного обучения в гвардейские полковые училища, с которой познакомился во время заграничной поездки 1817 года. Ее название связано с именем создателя — английского педагога Ланкастера (1771–1838). Суть системы состояла в том, что более сильные ученики обучали слабых, помогая учителю. Затем Н. И. Греч использует эту методику преподавания в Петербургском и Гатчинском воспитательных домах и в училище солдатских дочерей полков гвардии. «В то же время составил я, преимущественно из членов масонской ложи избранного Михаила (графа Ф. П. Толстого; Ф. Н. Глинки, П. Я. фон Фока, В. И. Григоровича, Н. И. Кусова и некоторых других), общество для заведения училища взаимного обучения»³⁰.

Ланкастерские школы, сначала поддержанные Александром I, впоследствии были запрещены. С их деятельностью неожиданно была связана подготовка мятежа в любимом царем Семеновском полку. Н. И. Греч нашел для этой истории, получившей название Семеновской, точное определение для себя и для страны в целом — «вестница судеб»: именно с этого момента Император стал действовать против либерализма, а Греч, как создатель этой системы обучения в России, оказался в числе главных подозреваемых. Семеновская история оставила след в судьбе Греча, размышляющего, «что можно попасть в беду без всякой причины»³¹.

«Беда» была связана еще с одним обстоятельством: Греч был масоном, а в 1820 году по воле Александра I были закрыты многочисленные масонские

29 Ibidem, с. 299.

30 Ibidem, с. 283.

31 Ibidem, с. 283.

ложи в Польше, в 1822 году — в России. В их идеях тоже усматривались революционные тенденции. Многие участники восстания на Сенатской площади, как и Н. И. Греч, были масонами. Например, в «Записках» Греч пишет о П. И. Пестеле: «Я видел его в собраниях масонских лож. Он молчал, и замечал случаи и лица»³².

В 1824 году Н. И. Греч оказался причастным еще к одной «истории» — госнеровской. И. Госнер — немецкий пастор, переводчик Нового Завета, с 1820 года возглавлял Библейское общество в Петербурге. В типографии Греча была напечатана его книга «Дух жизни и учения Иисуса», признанная опасной для церкви и государства. В результате причастные к этому делу — переводчики, цензоры, типографы — были отданы под суд. Однако автор «Записок» говорит, что перенес эту «бурю» уже равнодушно: история «разразилась у меня над головой в то самое время, когда скончалась дочь моя Ольга: я глядел на житейскую невзгоду равнодушно»³³.

Н. И. Греч рассказывает, что К. Ф. Рылеев, Н. М. Муравьев, Г. С. Батеньков пытались вербовать его в члены тайного общества. На доводы К. Ф. Рылеева о полезности заговора для спасения государства, Греч уверенно отвечал: «заговоры составляются не для блага государства, а для удовлетворения тщеславия или корыстолюбия частных лиц. Пользы они не принесут никакой, кроме горького урока»³⁴. При этом Греч фактически занимал такую же позицию, как Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский, А. С. Грибоедов, А. С. Пушкин, Ф. И. Тютчев и др., полагая, что в России революция не допустима. Позиция Н. И. Греча особенно близка автору «Писем русского путешественника». Идеалом Греча, как и идеалом Карамзина, была просвещенная дворянская монархия.

Близкое участие Н. И. Греча в литературных кругах декабристов, дружба с некоторыми из них позволили ему дать характеристику участникам заговора. Он использует образное сравнение, называя их благонравными детьми, которые играют обоюдоострыми кинжалами и сжигают фейерверк над пороховыми бочками. При этом Греч называет Рылеева, Батенькова, братьев Тургеневых и Бестужевых и др. «цветом умной молодежи» и подтверждает, что часто находился рядом с ними; будущие декабристы его не опасались.

Греч делит будущих декабристов на несколько групп: одни убедились, что их мечты не исполнятся и отказались от участия; другие надеялись что-то сделать; третьи — честолюбивые мечтатели — хотели овладеть верховной властью, но

32 Ibidem, с. 304.

33 Ibidem, с. 285. Греч похоронит и скоропостижно скончавшегося семнадцатилетнего сына в 1837 году, рано уйдет из жизни и старший его сын, помогавший отцу в издании журнала и газеты.

34 Ibidem, с. 309.

не во благо народа. К ним «присоединилось несколько злодеев, под маской патриотов, и как зло на свете всегда сильнее добра, последние и одолели»³⁵. Вообще Гречу присущ трагический взгляд на мир. Он отчетливо проявляется в его романе «Черной женщине».

Вместе с тем Греч не скрывает, что вполне мог оказаться среди заговорщиков: «Меня предоохранила от того, во-первых, семеновская история: в ней видел я, как легко было запутаться одним словом, одним каким-либо необдуманым шагом. Во-вторых, берегла меня милость божия!»³⁶. Писатель уверен, что своим личным спасением он обязан А. Бестужеву. На вопрос Николая I об участии в заговоре журналистов арестованный декабрист отвечал: «Греча мы не хотели запутать: он не одного с нами мнения, притом он отец семейства, да еще слишком доверчив и откровенен: тотчас бы разболтал нашу тайну»³⁷.

Греч воссоздает портреты тридцати одного участника восстания на Сенатской площади, с которыми был лично знаком, отмечая, что в числе заговорщиков были исключительно дворяне, потомки Рюрика, Гедимины, Чингисхана. Они восстали против злоупотреблений и притеснений, хотя сами «менее всех от них терпели» и считает, что «в этом мятеже не было на грош народности... эти замыслы были чужды русскому уму и сердцу и, в случае успеха, не только не составили бы счастья народа, но подвергли бы его игу, несравненно тягчайшему прежнего, и предали бы Россию бедствиям, о каких нельзя составить себе понятия»³⁸. Писатель дает резкие характеристики некоторым участникам восстания. По его мнению, например, цель участия П. И. Пестеля — «личная, своекорыстная. Он хотел произвести суматоху и, пользуясь ею, завладеть верховной властью в замышленной сумасбродами республике. Достоинно замечания, что он составил себе роль, которую через четверть века разыграл с успехом другой бунтовщик, Людовик-Наполеон, — по тому непреложному закону, что плохая монархия производит республиканцев, плохая республика — тиранов»³⁹.

Исследователями не всегда учитывался тот факт, что с теми из декабристов, с кем Греч был близок, у него по-прежнему сохранялись дружеские отношения. Так, А. Бестужев уже в 1831 году, находясь в Дербенте, по-прежнему называет Греча «учителем», который «первым ободрил меня и первым оценил. Ему обязан я грамматическим знанием языка... Нравственным образом одолжен

35 Ibidem, с. 300.

36 Ibidem, с. 312.

37 Ibidem, с. 328.

38 Ibidem, с. 359.

39 Ibidem, с. 304.

я им неоплатно...». Именно Греч публикует произведения ссыльного декабриста, поэтому А. Бестужев продолжает: «я должник его по сердцу и по перу»⁴⁰. После возвращения ссыльных декабристов в Петербург Н. И. Греч по-дружески встречается с ними. В воспоминаниях П. С. Усова, опубликованных в 1882 году в «Историческом Вестнике», сообщается, что декабристы после возвращения из ссылки бывали в гостях у Н. И. Греча. Поэтому слухи о том, что он предал своих друзей, нелепы⁴¹.

Н. И. Греч, обдумывая события, свидетелем и участником которых он был, и в 60-е годы XIX века по-прежнему называет восстание на Сенатской площади «глупо-кровавой затеей», внушенной заговорщикам Европой. В России этого времени развернулось движение разночинцев, поэтому его убеждения рассматриваются как крайне консервативные и реакционные. С этого времени фактически начинается забвение известного издателя, редактора, критика, исключение Греча-писателя из отечественного историко-литературного процесса.

Если говорить о месте, которое занимал Николай Иванович Греч в истории культуры своего времени, то его можно определить как одно из первостепенных. Издание «Сына Отечества», продолжающаяся в течение всей жизни работа над «Русской Грамматикой», педагогическая деятельность — уже обеспечили ему положение в жизни Отечества.

Литературная репутация Николая Ивановича Греча, не менявшаяся более ста шестидесяти лет, должна быть пересмотрена. Не случайно Кс. Полевой был уверен, что Н. И. Греч «останется и как литератор образцом приятного, умного, одушевленного изложения всех предметов, которые особенно занимали его литературную деятельность»⁴². Николаю Ивановичу Гречу необходимо вернуть звание одного из ведущих писателей своего времени.

Литература:

AKIMOVA, N. N.: Poslednjaja popytka Faddeja Bulgarina: memuary v situacii kul'turnogo mifotvorčestva. In: *Vospominanija: Otryvki iz vidennogo, slyšannogo i ispytanogo v žizni*. Sankt-Peterburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2012, s. 5–46.

40 BESTUŽEV-MARLINSKIJ, A. A.: Pis'mo A. M. Andrejevu (g. Derbent, 9 aprilja 1831). In: *Sočinenija v dvuch tomach*. Moskva: Gosudarstvennoje izdatel'stvo Chudožestvennoj literatury, 1958. T. 2, s. 637.

41 USOV, P. S.: *Iz moich vospominanij*. Istoričeskij vestnik, 1882, fevral', s. 339–361.

42 *Jubilej pjatidesjatiletnej literaturnoj dejatel'nosti Nikolaja Ivanoviča Greča 27-go Dekabrja 1854 g.* Sostavleno Ks. POLEVYM. Sankt-Peterburg: V tipografii Akademii nauk, 1855, s. 52.

- BESTUŽEV-MARLINSKIJ, A. A.: Pis'mo A. M. Andrejevu (g. Derbent, 9 aprlja 1831). In: *Sočinenija v dvuch tomach*. Moskva: Gosudarstvennoje izdatel'stvo Chudožestvennoj literatury, 1958. T. 2, s. 636–38.
- BULGARIN, F. V.: «K portretu Nikolaja Ivanoviča Greča». In: *Sočinenija Nikolaja Greča. Čast' pjataja. Melkije sočinenija*. Sankt-Peterburg, 1838, s. II–XIX.
- GREČ, N.: *Zapiski o mojej žizni*. Moskva: «Zacharov», 2002.
- Jubilej pjatidesjatiletnej literaturnoj dejatel'nosti Nikolaja Ivanoviča Greča 27-go Dekabrja 1854 g.* Sostavleno Ks. POLEVYIM. Sankt-Peterburg: V tipografii Akademii nauk, 1855.
- MEJLACH, B. S.: Literatura dekabristskogo dviženija. In: *Istorija ruskoj literatury. Literatura 1820–1830-ch godov*. Moskva–Leningrad: AN SSSR, 1953, s. 21–40.
- NAZAROVA, L.: Peterburgskaja žizn' puškinskoj pory. 1811–1837 gg. In: TOMAŠEVSKIJ, B. V., ŠLIONSKIJ, L. I., NAZAROVA, L. N., MEDERSKIJ, L. A.: *Puškinskij Peterburg (Serija «Puškinskaja biblioteka», t. 10)*. Sankt-Peterburg: Akademičeskij projekt, 1999, s. 207–297.
- REJTBLAT, A. I.: Ètapy i istočniki postrojenija biografičeskogo narrativa (na materiale biografii F. V. Bulgarina). In: REJTBLAT, A. I.: *Pisat' poperek: Stat'ji po biografike, sociologii i istorii literatury*. Moskva: Novoje literaturnoje obozrenije, 2014, s. 211–226.
- REJTBLAT, A. I.: *Faddej Bulgarin: ideolog, žurnalist, konsul'tant sekretnoj policii*. Moskva: Novoje literaturnoje obozrenije, 2016.
- SACHAROV, V.: *Ruskoje masonstvo v portretach*. Moskva: OOO «AiF Print», 2004.
- STEPANOV, N. L.: Prozaiki dvadcatych – tridcatych godov. In: *Istorija ruskoj literatury. 1820–1830*. Moskva–Leningrad: AN SSSR, 1953, s. 501–562.
- USOV, P. S.: *Iz moich vospominanij*. Istoričeskij vestnik, 1882, fevral', s. 339–361.

About the author

Natalya Mikhaylovna Ilchenko

Nizhny Novgorod State Pedagogical university, Faculty of Humanities, Department of Russian and Foreign Philology, Nizhny Novgorod, Russia

ilchenko2005@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2541-5061>

This work can be used in accordance with the Creative Commons BY-SA 4.0 International license terms and conditions (<<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/legalcode>>). This does not apply to works or elements (such as images or photographs) that are used in the work under a contractual license or exception or limitation to relevant rights.

